

Роксана Геден

Сюзанна и Александр



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84(2)6
Р66

Роксана Гедеон

Сюзанна и Александр / Роксана Гедеон — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 441 с.

ISBN 978-5-532-08862-7

1797 год. Франция под властью Директории, превращающей жизнь страны в бесконечную череду потрясений и переворотов. Александр, объявленный вне закона, вынужден скрываться в Англии, а Сюзанна отправляется в Париж, чтобы купить у хозяев государства жизнь и свободу мужа. Ей приходится познакомиться с новым парижским светом, снискать милость лукавого министра Талейрана и вырвать из рук банкира Клавьера свой дом на Вандомской площади. В результате изощренных интриг Сюзанна добивается амнистии для супруга, однако его возвращение в Бретань оборачивается для семейства дню Шатлэ глубочайшей драмой. Десятая книга историко-любовного сериала Роксаны Гедеон "Сюзанна".

ISBN 978-5-532-08862-7

© Роксана Гедеон, текст, 1994
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗУМРУДЫГОЛКОНДЫ

1

Лошади повернули вправо, и сквозь помутневшее окно кареты стали видны очертания Северного моста.

— Сена, — произнесла я едва слышно. — Вот и снова Сена. Париж...

Я снова, уже в который раз оказалась под стенами этого города — того самого, что олицетворял собой революцию и где были погребены самые основы прошлой, казавшейся незыблемой, жизни. Раньше я любила Париж; теперь, право же, мои чувства к нему были противоречивы. И всё же я снова ехала сюда, надеясь, что здесь и только здесь смогу найти помощь и заново завоевать своё место в столице. Нет, не свое место. Наше.

— Я всё, всё здесь помню, — произнесла Аврора, прикикая к окошку. — Ага, вот и трактир, где мы пили молоко, когда уезжали отсюда в прошлый раз... Здесь всё будто родное...

— А кто же называл себя бретонкой? — улыбнулась я. — Или тебе стоило разок подумать о Париже — и Бретань уже забыта?

— Нет... — Она повернулась ко мне и улыбнулась счастливо, как ребёнок. — В Белые Липы я просто влюблена. Но мы же вернёмся туда, правда?

В Париже у нас было множество дел. Надо было показать Аврору в свете — она была уже в том возрасте, когда это возможно. Главная трудность состояла в том, что я сама нынешнего света не знала и не хотела знать. Нынешнее парижское общество, претендующее на светскую изысканность, было буржуазным. Вот я и думала: где же всё-таки и кому показывать юную Аврору?

— Во всяком случае, — заявила я решительно, — мы закажем тебе гардероб. В Бретани это невозможно. Такая милая девушка, как ты,

должна одеваться только в Париже. Бретонские модистки просто недостойны тебя.

— И тебя, — отозвалась она, прижимаясь щекой к моему плечу. — Ах, я так счастлива, так счастлива — у меня просто дух захватывает от радости!

Было 10 декабря 1797 года. Три месяца назад мадемуазель Аврора д'Энен навсегда покинула стены монастыря в Ренне — монастыря, в котором приобрела понятие о хороших манерах, научилась говорить, двигаться, играть на клавесине и даже получила некоторые знания по географии и истории. Но, несмотря на все эти успехи, невозможно было уговорить её остаться там даже на месяц дольше.

— Никогда бы не вернулась туда! — повторяла она горячо. — Это самое невыносимое место в мире!

— Тебе и не надо возвращаться. Ты уже выросла, дорогая.

Выросла... Когда я смотрела на Аврору, меня охватывало странное щемящее чувство. Пожалуй, она слишком быстро выросла. Сейчас ей шёл шестнадцатый год — и я была примерно в том же возрасте, когда уехала из Санлиса. И вот мы словно поменялись местами. Вернее, теперь на моём месте — она... Двенадцать лет прошло, как один миг... И вот пожалуйста — вместо крошечной бретонской дикарки рядом со мной сидит такая изящная юная мадемуазель.

Аврора была одного роста со мной, но тоньше и более хрупкая. Судьбе было угодно, чтобы она, кровно вовсе со мной не связанная, имела много общего со мной — в овале лица, губах, жестах, разрезе фиалковых глаз. Её глаза, кстати, были самым ценным и привлекательным в её внешности, они сразу притягивали взгляд — своей глубиной, сиянием, необыкновенным цветом.

Ренцо тронул меня за руку.

— Тётя, так мы все святки проведём в Париже?

Я понимала, что его интересует: возможность продлить свои каникулы. Ренцо был способный, всё схватывал на лету, но корпеть над книгами не любил.

— Ты — да. Но потом тебе надо будет вернуться к отцу Ансельму, милый.

— А вы?

— А мы, я полагаю, останемся здесь до самого лета.

Ренцо взглянул на Аврору.

— Значит, я буду учиться, а она нет?

Аврора снисходительно потрепала его за ухо.

— Я уже отучилась, вы забыли, милейший кузен! А вот вам ещё лет шесть придётся сидеть, высунув язык, над книгами!

Их всей тройки мальчиков, наполнявших прежде Белые Липы своими голосами, остался сейчас только мой племянник. Я так привязалась к нему, что была бы огорчена, если бы Джакомо и Стефания вдруг изъявили желание его забрать. Хотя, впрочем, он пробыл у меня уже полтора года, а брат и его жена ни о чём таком пока не говорили.

Ренцо, расплющив нос о стекло, припал к окну.

— Как много людей на улицах... Что бы это за праздник нынче, тетя?

Я пожала плечами. Париж встречал нас слякотью, дождём, туманом — словом, всеми атрибутами тёплой парижской зимы. Окошко кареты совсем запотело. Капли, срываясь и сбегая вниз, пересекали мутное стекло прозрачными неровными дорожками. Улицы были грязными, колёса кареты то и дело попадали то в канавы, то в лужи, и брызги грязи летели на тротуары.

— Действительно, — сказала Аврора. — Должно быть, сегодня какое-то торжество.

Тогда я тоже посмотрела. Двигаться по улице становилось всё труднее, толпы людей увеличивались, и, созерцая это, я почувствовала некоторый страх. Страх перед толпами, который вошёл в мою плоть и кровь. Что происходит? За последние семь лет скопление людей на улицах предвещало лишь что-то дурное. Неужто меня угораздило прибыть в Париж так несвоевременно?

У Елисейского дворца развевались трёхцветные знамёна, деревья были украшены разноцветными гирляндами. Можно было заметить карету, окружённую эскортом блестящей национальной гвардии, — она двигалась медленно, и я вдруг поняла, что это именно ради неё устроены все эти почести.

— Так что же происходит? — пробормотала я.

Едва произнеся это, я вспомнила то, о чём трубили все газеты, о чём знали даже в глухих уголках Бретани: генерал Бонапарт после заключения мира в Кампоформио как триумфатор возвращается в Париж... Его ждали неисчислимые почести и слава миротворца.

Бесконечные войны давно надоели всем. Более пяти лет длились они с переменным успехом: французы то побеждали, то отступали. Победы радовали мало, хотелось одного – мира. Вот почему Бонапарт с его Кампоформийским мирным договором был встречен в Париже с такой радостью. Директория, особой любви генералу не питавшая, под давлением столь явно выраженных восторгов была вынуждена устроить ему пышную встречу в Люксембургском дворце. По всей видимости, именно туда сейчас Бонапарт и направлялся. Бесчисленные толпы народа приветствовали его.

Наша карета мало-помалу продвигалась вперёд, и мне, припавшей к окошку, на миг удалось увидеть Бонапарта. Я заметила чёткий римский профиль на фоне тёмной обивки сиденья, увидела худое бледное лицо с бесстрастным выражением и сжатыми губами, редкие длинные волосы, падавшие на лоб и плечи. Глаза на бледном лице горели как два угля. А высокомерие, таившееся в изгибах губ, меня поразило. Пожалуй, даже Людовик XIV, Король-Солнце, не взирал на толпу с таким презрением.

В остальном внешность его была ничем не примечательна. Я убедилась, что слухи правдивы: Бонапарт не блещет мужской привлекательностью и довольно щедущ. По крайней мере, чего-то особенного, что притягивает женский взгляд, в нём не было. Шарм ему придавала слава полководца; без этого редко какая женщина, встретив его в толпе, обратила бы на него внимание.

— Да здравствует генерал Бонапарт!

Эти крики, сливавшиеся в общий нестройный гул, действовали мне на нервы.

— Глупцы, – пробормотала я с презрением. – Они не видят, что в его пресловутом мире кроется зародыш войны...

Кучер соскочил с козел и подбежал к окошку.

— Мадам! Прикажете ехать вслед за гвардией?

Я возмутилась.

— Ещё чего! Мы не собираемся сопровождать Бонапарта. Мы едем домой.

— Но, тётя! – пробормотал Ренцо.

— Это не подлежит обсуждению, – отрезала я. – Бонапарт не дожждётся, чтобы карета с гербом дю Шатлэ следовала в его эскорте.

С горем пополам мы освободились из объятий толпы, и кучер направил лошадей к Елисейским полям, чтобы выехать к саду Тюильри.

Случившееся ещё раз дало мне понять, что нынешний Париж – это не мой Париж. Я совершенно перестала понимать его жителей. Одному Богу известно, смогу ли я привыкнуть ко всему новому и прожить здесь до самого лета – именно такой срок мне, видимо, понадобится, чтобы уладить то, ради чего я приехала.

Мы ехали жить в отель дю Шатлэ, что на Королевской площади. Честно говоря, само это название вызывало у меня ужас. Семь лет назад именно здесь я потеряла Луи Франсуа. Теперь мне предстояло пересилить это и здесь жить. Пожалуй, только Маргарита могла бы догадаться о моих чувствах.

Уже смеркалось, когда мы подъезжали к месту, и небо – днём такое серое, свинцовое – приобрело сиреневый оттенок. Карета проехала мимо сквера, окружённого решеткой, её колёса прогрохотали под колоннами, поддерживающими арки и своды домов; так много лет назад проезжали принц Конде, Нинон де Ланкло, мадам де Лонгвилль – бывшие мои соседи...

Я приказала остановиться и вышла из кареты. Я уже видела наш дом – большой, окружённый вековыми липами, расположенный между отелями де Шолн и де Роган. Когда-то в юности, проезжая мимо, я и подумать не могла, что этот дом станет моим домом, а Александр дю Шатлэ – моим мужем.

Накрапывал дождь. Под арками зажигались фонари и вспыхивали, озарённые низким красным солнцем, трубы.

— Здесь хорошо, – пробормотала Аврора, подходя ближе.

— Да, – подтвердила я. – Здесь хорошо.

Я пешком, перепрыгивая через лужи, подошла к дому и сильно постучала. Дверь мне открыла служанка.

- Я слушаю вас, – сказала она сурово.
- Я – мадам дю Шатлэ.
- Вы приехали повидать господина Риджи?
- Я приехала сюда жить.

Она, видимо, даже не слышала обо мне. Но я не печалилась. Сейчас я увижу брата, на которого был оставлен дом, и всё образуется.

И хотя я впервые переступила порог этого дворца и всё здесь было для меня чужим и необычным, я сказала, оборачиваясь и обращаясь к Авроре:

- Девочка моя, мы приехали домой.

2

Первую ночь под крышей этого дома я провела без сна. Тысячи мыслей осаждали меня, бились в мозгу. Я лихорадочно садилась на постель, охваченная одной-единственной заботой: как вернуть Александра.

Я не видела его три месяца, с тех пор как переворот 18 фрюктидора заставил его вновь уехать в Англию. Это случилось внезапно и застало меня врасплох. Ещё вчера я была счастлива и уже сегодня осталась одна – именно так всё и произошло.

Мы строили столько планов, мы о многом мечтали. Умеренное большинство, пришедшее к власти в результате выборов в мае 1797 года, было в оппозиции к Директории и пыталось полностью прекратить репрессии против роялистов. Это давало нам надежду на то, что потепление будет продолжаться, что во Франции наступит мир, что мы сможем спокойно жить в Белых Липах, не опасаясь притеснений и нового террора. Но ход событий не оправдал наших надежд.

Избрание Пишгрею председателем Совета пятисот и Барбе-Марбуа – председателем Совета старейшин было открытым вызовом Директории: тот и другой были её врагами. Враждебное директорам большинство сразу нащупало наиболее уязвимое место: оно потребовало, чтобы Директория отчиталась о расходах. Куда ушло золото, поступившее из Италии? Почему казна всегда пуста? То

были вопросы, на которые Директория даже при всей дьявольской изобретательности Барраса не могла дать ответа. Но это было только начало. Советы не скрывали своего намерения вышвырнуть Барраса и его друзей из правительства. Что будет потом? Республика или какая-то переходная форма к монархии? Мнения расходились. Всех объединяло одно: надо гнать «триумвиров», вцепившиеся в директорские кресла.

Для Барраса, главного среди директоров, в сущности, важно было только это. Директорский пост – это была власть, великолепные апартаменты в Люксембургском дворце, приёмы, оргии и деньги без счёта. Мог ли с этим легко расстаться человек, прошедший через все круги ада, скользивший по лезвию ножа, коварный и дерзкий? Медлить было нельзя. И Баррас нашёл способ переиграть своих врагов: он обратился к Бонапарту. Он просил его защитить Республику от роялистов, проникших в Советы.

Сам генерал вряд ли был пламенным республиканцем, по крайней мере, диктаторские замашки в его деятельности уже давно наблюдались. Пожалуй, он в стране ввел бы единоначалие, подобное армейскому, и без особых колебаний задушил бы Республику, но он вовсе не намерен был допустить эту операцию преждевременно, а самое главное, вовсе не желал, чтобы это пошло на пользу кому-нибудь другому, кроме него самого. Поразмыслив над всем этим, Бонапарт выступил в роли спасителя Республики: он послал в Париж своего генерала Ожера с приказом помочь Баррасу.

Ожера, едва прибыв в Париж, заявил: “Я приехал, чтобы убить роялистов”. Баррас не медлил. 4 сентября десять тысяч солдат окружили Тюильри, где заседали Советы. Начались аресты. Директоры Карно и Бартеlemi, противостоявшие Баррасу, должны были быть арестованы. Карно удалось бежать, Бартеlemi схватили солдаты. Были аннулированы выборы, смещены высшие чиновники, судьи, закрыты газеты – было уничтожено всё, что представляло угрозу для власти “триумвиров”. Однако это была временная, пиррова победа казнокрадов, которая, в сущности, снова доказала, что режим исчерпал себя и может удерживаться, лишь опираясь на армию.

Священников опять обязали присягать в ненависти к королевской власти. Кто отказывался, того ссылали в Вест-Индию, на сухую гильотину, как принято было говорить. Даже частных лиц теперь принуждали пользоваться непонятным и странным республиканским календарём, к которому никто так и не смог привыкнуть. Было строго приказано всем гражданам праздновать декады, а в воскресенье работать.

В Бретань известие о перевороте пришло вечером 6 сентября. Стало ясно, что уже ночью начнутся аресты, а утром весь департамент будет наводнён синими отрядами. Надо было спешно уезжать. Александр торопливо попрощался со мной, поцеловал маленького Филиппа, оставил все дела брату и вместе с Гарибом ускорил по направлению к побережью.

Уже через сутки после его отъезда повсюду в Бретани были расклеены постановления об объявлении Александра дю Шатлэ вне закона – постановления, ранее благополучно забытые.

Я была пришиблена всем случившимся. Снова не было спокойствия в моей жизни, снова она изменилась под влиянием совершенно не зависящих от меня событий. Во мне даже проснулись суеверные опасения по отношению к осени: она всегда приносила мне несчастья. Вот и сейчас – едва пришёл сентябрь, и я снова осталась без мужа.

Даже без вестей о нём. Связи с Англией были нарушены, привозить корреспонденцию становилось всё труднее. К тому же я знала, что Александр не сидит всё время в Лондоне. Он может быть где угодно. С ним может что-нибудь случиться, а я даже и знать ничего не буду.

С Жаном дело обстояло немного утешительнее. Он держал данное им слово и писал мне регулярно, раз в неделю, довольно подробно описывая, что с ним происходит. К осени они с дедом вернулись из Митавы в Англию, и Жан был принят в Итон. К сожалению, письма запаздывали, поскольку их доставляли с контрабандой, по случаю, и я узнавала о событиях с опозданием в полтора месяца.

Чтоб не чувствовать себя совсем никому не нужной, я забрала Аврору из монастыря, но ни Аврора, ни даже Филипп, разуме-